

Андрей ТАРЕЛИН (старший),
выпускник 1956 года

ЧТО МНЕ ДАЛ И НЕДОДАЛ УНИВЕРСИТЕТ – МГИМО

Постараюсь разобраться.

Главное – «МГИМО нам дал путёвку в жизнь», так озаглавлена одна из статей сборника воспоминаний выпускников института 1956 года. И это неоспоримо, но кое-что и недодал.

Инициатор данного опуса мой друг, однокурсник А.И.Сизоненко предложил написать статью, что-то вроде «эссе». Надо же мол, поделиться с молодым поколением опытом нашей трудовой деятельности. Я согласился, само слово *essai* (опыт, набросок) напомнило мне, как бывшему студенту-«французу», о преподавателях иностранного языка, о профессорах, о лекциях и экзаменах по марксизму-ленинизму, который должен был быть в те времена единственной философией советских людей. Ра - сея, как называл страну мой тесть, всегда была и остаётся страной крайностей и крутых перегибов. В 1950-е годы даже в МГИМО труды других философов почти не изучались, о них говорилось только для того, чтобы их критиковать, а сейчас, насколько мне известно, марксизм изучается на Западе больше, чем в российских вузах. Тогда и справочной литературы почти не было, а ныне всё тебе к услугам: и *wikipedia*, и толстые справочники. Так вот. Основателем литературного жанра «эссе» был французский философ Мишель Монтень (1533 – 1592), который говорил, что самой большой ценностью является человек. Однако «Человеку не дано найти правду и справедливость». А ещё он высказал такую мысль: «“Искусство жить” должно основываться на мудрости, умеренности и толерантности». Мне кажется, что за прошедшие четыре века человечество нечасто пользовалось этими мудрыми советами. В наши учебные программы подобные доктрины не входили. Впрочем, сие не вина института, а огрехи советского строя, при котором все должны были думать одинаково. Это я написал вроде бы как в виде вступления, порывшись во французских справочниках.

А теперь за дело.

Институт не только дал нам путёвку в жизнь, но и создал нерушимое МГИМОВское братство выпускников всех своих времён и многих народов. Для меня же он стал также как бы семейно-родственным институтом: я окончил его в 1956 году, дочь – в 1982 году и младший сын – в 2006 году. Дистанция в полвека!

Свои дальнейшие рассуждения немного отложу, а начну с кратких высказываний моих потомков – выпускников более поздних лет, причём в обратном хронологическом порядке.

В начале 2007 года МИД РФ впервые провёл в МГИМО встречу со студентами по привлечению их в лоно министерства. Газета «Время новостей» опубликовала об этом статью 1 марта 2007 года. В ней, в частности, большое место уделено значению зарубежной практике студентов в рамках совместного проекта Фонда Потанина, МИДа и МГИМО. К сожалению, в моё время ничего подобного не было. А сыну моему очень повезло, потому что он был первым студентом, побывавшим в XXI веке

на практике в посольстве России в Вашингтоне. На день этой встречи в институте он работал уже в министерстве и был включён начальством в команду сотрудников-агитаторов. Вот фрагменты интервью сына газете ... «Практика в центральном аппарате министерства очень отличается от практики в загранучреждениях. На бумаге это одно и то же, но содержание разное. К примеру, протокольные мероприятия. Там это более высокий уровень участия. ... Я проходил практику в двух группах посольства: научно-технической и пресс-группе; активно привлекался к информационно-аналитической работе». И ещё: «Профессия дипломата стала более динамичной. ... Дипломат должен видеть главное в потоке информации, отслеживать её, что требует усидчивости и внимательности, но думаю, что в целом это всё окупается, потому что взамен приходит бесценный опыт».

Ныне сын работает в одном из наших посольств североамериканского континента. Недавно я попросил его через океан по телефону высказать пару мыслей для моей статьи. Он прислал по e-mail следующее сообщение: «При всём нынешнем многообразии школ подготовки специалистов-международников МГИМО всё же занимает своё, особое и, наверно, честно стоит признать, привилегированное место».

Почему это так? Не потому ли, что МГИМО на протяжении многих лет эволюционировал не только как вуз, но и как комплексное учреждение, составляющее одну из опор внешнеполитического механизма российского государства? В международной практике давно известно, что наиболее успешны вузы, совмещающие педагогический процесс с активной исследовательской работой, позволяющей преподавателям совершенствовать научные разработки и подключать к ним своих подопечных. МГИМО – яркий, успешно функционирующий пример такого синтеза. Где ещё студенты могут успешно понять суть происходящих в мире процессов, почувствовать ткань международных связей, как ни в институте, который может похвастаться собственной всемирно известной школой по теории международных отношений?

Ответ очевиден. Университет МГИМО многолик, что даёт возможность готовить специалистов разной направленности, но имеющих общий мгимовский бэкграунд. Это значит – иметь основательный запас теоретических знаний и практических навыков, позволяющих каждому отдельному студенту не просто разбираться в отдельном, небольшом участке своей специализации, а видеть его, как общую широкую картину международной жизни. Разбираться во всём, конечно, невозможно, но уметь посмотреть на ту или иную мировую тенденцию «сверху», в более крупном масштабе, чем другие – это навык, которому можно позавидовать.

У института есть ещё одна «знаковая» особенность, которая выделяет МГИМО из ряда родственных ему вузов – его историческая связь с Министерством иностранных дел. Студенту этого специализированного института можно, как нигде больше, почувствовать свою ассоциированность с советской и российской дипломатией прошлых лет. Такое чувство обязательно приходит к большинству студентов, искренне интересующихся работой международного вообщем и дипломатической службой в частности. Эта психологическая взаимосвязь возникает постепенно и в силу многих причин. Потому, например, что многие преподаватели, подготовившие цвет российской дипломатии, до сих пор продолжают своё дело.

Достаточно сказать, что в узких (позволю себе и ложку дёгтя) коридорах института можно запросто встретить бывших послов нашей страны, формировавших её политику в ключевые для всей системы международных отношений периоды и на самых важных её направлениях¹. А ещё потому, что студенты МГИМО – желанные гости в МИДе, где, перетерпев далеко не всегда вдохновляющий и интересный период студенческой практики, можно начать участвовать в осуществлении нашей внешней политики, защите её национальных интересов на конкретном участке. Думаю, что институт и в дальнейшем должен оставаться звеном, соединяющим разные поколения международныхников, позволяющим молодым людям становиться востребованными специалистами и самое главное – членами одной большой династии МГИМО, представители которой уже многие десятилетия несут верную службу своей стране».

Дочь, изучавшая в институте в основном экономические науки, после его окончания посвятила всю свою трудовую жизнь королеве-культуре, сначала непосредственно в Министерстве культуры СССР, а после распада великой державы – на административной работе в одном из больших музыкальных коллективов нашей страны, где она помимо всего прочего отвечает за международные связи. Я попросил дочь тоже высказать своё мнение о нашем институте. Она мне по телефону продиктовала: «Я очень благодарна моему преподавателю французского языка К.Гавришиной за полученные знания в области коммерческой и банковской лексики. Иностранный язык меня до сих пор кормит.

Студенчества я в полной мере не вкусила, потому что училась на вечернем отделении и рада этому. У меня было большое преимущество, давшее мне суровую закалку жизни – одновременно учиться, работать и создавать новую семейную ячейку общества. С таким жизненным багажом любой кризис мне не страшен».

Итак, теория – необходима, но без практики она безжизненна. Ясно, что только в их взаимодействии приобретается опыт, вырабатывается профессионализм, который, как говорится, не пропьёшь. Опыт приходит постепенно, как в жизни вообще, так и в совершенствовании профессии. Само слово «опыт» в разных справочных материалах толкуется по-разному. В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова (**М., 1968**, стр. 446): «Опыт - совокупность практически усвоенных знаний, навыков, умения ... Опыт - попытка осуществить что-нибудь». Более мудрено – в «Советском энциклопедическом справочнике» (**М., 1989**, стр. 944): «Опыт – основанное на практике чувственно-эмпирическое познание объективной действительности; единство знаний и умений, навыков...». А теперь, как сказано выше, – моя «попытка осуществить что-нибудь» на примере собственного опыта.

Ещё в раннем возрасте ребёнка спрашивают: кем ты хочешь быть? И очень редко бывает, чтобы детское желание становилось через годы явью. Хорошо, когда юноша перед окончанием школы уже выбрал себе высшее учебное заведение, а если нет, то по крайней мере определил гуманитарный или какой-то другой путь своего дальнейшего образования. Для меня, например, было ясно, что точные науки – не мои. Но кроме них в мире много всего другого. Меня привлекали кино, музыка, поскольку я

---

¹ *Кстати, только проработав в загранучреждении, понимаешь, что быть послом – действительно чрезвычайно сложная, ответственная и где-то даже «сумасшедшая» работа. Впрочем, это зависит от страны пребывания.*

окончил музыкальную школу, и иностранные языки. Но судьба и позже моя настойчивость определили меня в МГИМО. Пролетели студенческие годы и опять надо делать выбор. Зазывали на учёбу в органы безопасности, но такая работа не в моём характере. А устроиться на работу выпускникам 1956 года, оказавшимся «в перепроизводстве» по недомыслию нерадивых руководителей, было сложно. В конце концов, я всё же пристроился в систему Министерства культуры СССР. Это мне импонировало.

Постепенно и другие мои однокурсники нашли свои рабочие точки, но далеко не все по характеру или призванию. Не до того было. А ведь оптимальный вариант – это как можно скорее определить своё русло и войти в него. У некоторых интерес к будущей стезе проявлялся ещё на студенческой скамье. Бывший фронтовик А. Глухов стал африканистом, а любивший пофилософствовать В. Ашмарин стал философом и до сих пор преподаёт в МГИМО. Это он, будучи студентом, более полувека назад дал определение Женщине в духе исторического материализма: «Женщина – это объективная реальность, данная нам в ощущении». Однако далеко не у всех реализуются чаяния молодых лет, даже пройти весь трудовой путь в одной организации бывает редкостью. Например, один мой друг всю жизнь проработал в Аэрофлоте, а другой и ныне верно служит агентству ИТАР-ТАСС. У меня же обрисовались два русла: международные культурные связи и неожиданно возникшее африканское направление. В эти главные русла вливались в разное время другие речки и речушки. Каждая из них приносила молекулы опыта.

К тому же я в основном прислушивался к советам родителей, особенно отца. В его записях читаю: «Что не случается – всё к лучшему. Этого я всегда придерживался, и как видите, даже остался цел после фронта, а многие мои товарищи погибли по собственной вине: то просились туда, то сюда. А я считал так: куда пошлют и что заставят делать, то и делал». Впрочем, отец как я знаю, не только полагался на судьбу, а иногда был очень настойчивым. Я же, пожалуй, ещё меньше рассчитывал только на судьбу. В частности, не раз боролся с вероломством некоторых кадровиков. Думаю, что всё должно быть в совокупности. Несомненно, надо прислушиваться к мудрым советам, чтобы они не расходились как круги на воде. Иными словами во многих случаях «велосипед изобретать не требуется», но всегда надо чётко отдавать себе отчёт, что окончательное решение только за тобой, и потому пенять будет не на кого.

Прекрасно, когда работа даёт удовлетворение, когда чувствуешь себя участником какого-то нужного процесса. Мне в этом очень повезло с самого начала трудовой деятельности и до сегодняшнего дня. В МГИМО я приобрёл профессию международника, однако ещё с детства меня влекла музыка. Пару раз я вставал перед выбором: продолжать ли работу международника или получить профессиональное музыкальное образование. Я даже два года по выходным дням ходил в Союз композиторов СССР на курсы так называемых самодеятельных композиторов, а жена моя, кстати, не очень мне в это верила: полагала, что я где-то «шляюсь по бабам». И всё же напряжённая работа, поездки с делегациями по стране и за рубеж не позволяли свернуть на какой-то иной путь. Оценивая на финише свой жизненный пробег, я ни о чём не жалею. Действительно, что не делается – всё к лучшему. Дипломатов и международников – пруд пруди, как и музыкантов. Однако первые, даже не

выдающиеся, в большинстве своём вносят вклад в международное сотрудничество, обычно получая от этого духовное и материальное удовлетворение, а знаковых музыкантов – единицы. Даже явно талантливым личностям трудно пробиться на большую сцену, приходится довольствоваться чем-то малым или вообще расстаться с творческой работой. Иными словами, опять же, как говорил мой тесть, они «мелко плавают».

Даже когда творчество не даёт материальных благ, оно тренирует ум, зачастую приносит радость, обогащает духовно и якобы даже продлевает жизнь. Несмотря на интенсивную канцелярскую и административную работу я никогда не расставался со своими творческими задумками, как работая в МИДе, так и особенно в системе Министерства культуры. Я начал с культуры и вернулся в её чудесный мир сейчас, находясь уже несколько лет на пенсии. Мне сказочно повезло, потому что я, продолжая заниматься международными культурными связями, в то же время окунулся в океан музыки. Место моей работы – учреждение, которое непосредственно занимается музыкальной культурой. Кроме того, я на общественных началах уже шесть лет веду рубрику на волнах «Радио России». Она называется «Дипломаты и международники вспоминают». В студии я беседовал с именитыми послами и другими дипломатами, журналистами и учёными. В конце 2008 года редакция предложила мне сузить время передачи и тематику – только культурные связи. В 2009 году рубрика стала называться «Музыка хорошего настроения. Моё ретро» (кризис отразился и на радио). Но меня это не смутило. Разве плохо давать в эфир любимые мелодии и рассказывать о знакомых музыкантах из различных стран? А поделиться есть чем! Много я поездил по свету, со многими интересными людьми встречался.

Говорят, что память – предательница. Это верно, но всё же немало разносортных эпизодов сохранилось в голове. Обычно запоминаются трудные или курьёзные моменты. В советские времена учиться и работать, с одной стороны было проще, поскольку за всех «думала партия», всё было стандартизировано и политизировано, а с другой стороны, по этим же причинам и сложнее. Вот два примера политикоидеологической глупости.

До поступления в институт я ещё не брился и на первом курсе ходил с усами. Это вызывало нарекания комсомольской и партийной организаций. Меня вызывали на разные бюро, но я упорно не сбрасывал усы. Наконец меня пригласили в одну из самых высоких инстанций и в категорической форме потребовали избавиться от «западного излишества, позорившего звание советского студента». Не помню, толи меня раньше кто-то надоумил, толи неожиданно для самого себя я вдруг показал на портрет товарища Сталина и сказал, что стараюсь во всём ему подражать. После этого от меня отстали, а через пару недель я уже по собственной воли сбрил усы, которые мне просто мешали общаться с любимой девушкой.

А теперь другой случай из моей трудовой практики в бытность работы в Министерстве культуры. Кстати, многие другие эпизоды из моих походов на культурном фронте изложены в статье «Администратор от культуры» в сборнике, на который я ссылаюсь в самом начале данного опуса («Но какую измерить мерой путь, который мы здесь прошли!», МГИМО-Университет, 2006, стр. 263).

В конце 50-х годов мне довелось быть руководителем группы по

сопровождению немецкого симфонического оркестра под управлением Франца Конвичного. В один из гастрольных дней в Ленинграде у маэстро был день рождения, и он после концерта во время ужина обильно угостил оркестрантов шампанским. Мы жили в «Европейской», по советским меркам того времени гостинице высокого класса, где, однако, в большинстве номеров не было туалетов, зато на столах стояли графины для питьевой воды. Так вот утром дежурная по этажу мне говорит: «Ваш немец нас...л в графин». Меня вызвали к директору отеля, который наговорил много нелестных слов, будто бы я недоглядел за членом немецкой делегации из дружественной Германской Демократической Республики. Стали разбираться в его паспорте, и на беду он оказался гражданином ФРГ. А это было ещё до постройки Берлинской стены, когда около трети оркестрантов ездили на электричке из Западного Берлина в восточную часть города на репетиции и концерты. Дело было передано в руководство Ленинградского Интуриста, а затем в городские инстанции. Меня повсюду таскали и доказывали, что «это политическое дело и его нельзя так оставить». С большим трудом мне удалось убедить «бдительных идеологов» в том, что очевидно, не говорящий по-русски пожилой человек не смог найти в полутьме находящийся в конце коридора кабинет с надписью «Toilette» и вернулся в свой номер, где и пострадал бедный «Karaffe». После достигнутого консенсуса я взял на себя устное обязательство, что старикан так больше делать не будет, а также подписал акт о списании графина, «использованного не по назначению».

Если приведённые случаи носят, пожалуй, курьёзный характер, то бывали ситуации и сложнее, когда неправильное поведение или решение могли бы привести к серьёзным последствиям. Однажды в те же 50-е годы я был назначен заместителем руководителя группы сопровождения гастролировавшего по СССР театра оперетты из Бухареста. В Москве артисты выступали на сцене музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Помню, во время спектакля «Продавец птиц» композитора К. Целлера я захотел послушать любимые мелодии и прошёл в оркестровую яму. Там вдоль стены стояли незадействованные на тот раз контрабасы, а рядом табуреты для контрабасистов. Я аккуратно взгромоздился на один из этих высоких «постаментов» и стал слушать музыку, да так заслушался, что свалился прямо на стоящие инструменты, которые, как домино, полетели на пол. Представляете, какой был грохот?! Но спектакль продолжался, потому что артисты вроде бы и виду не подали, а зрители не поняли, что это за грохот: мой позор можно было видеть лишь из ближайших от сцены лож.

Но, если в театре всё обошлось, то немного позже я едва не сорвал первое выступление румынских артистов в театре оперы и балета в Одессе. После Москвы был город Горький, снова ставший теперь Нижним Новгородом, а оттуда поездом в город-герой Одессу. Наш спецсостав был длинным – помимо спальных вагонов в нём было шесть больших грузовых вагонов «пульман» с костюмами и декорациями. Вагоны были опечатаны, а ключи от них у нашего руководителя. Он, Витя был хорошим мужиком, но имел одну из российских слабостей. На Волге как «принял», так и не «просыхал» до самого Чёрного моря. Руководство само по себе перешло ко мне. Поезд несколько часов стоял в Москве, я даже успел заскочить домой, и надеялся, что руководитель придёт в себя. Но не тут-то было. Дел было невпроворот, и все

неотложные. Поезд шёл вне расписания, нужно было срочно сообщить в Одессу о приблизительном времени его прибытия. Мобильных телефонов тогда не было и в помине. Дальше события развивались почти драматически.

Стояла ранняя весна. Вечером в Черниговской области Украины на станции Конотоп поезд сделал остановку, я накинул наспех пальто без пиджака и побежал через пути на вокзал, чтобы отправить телеграмму в пункт назначения. До этого заглянул к дежурному по станции, который на мой вопрос об отправке поезда сказал, что об этом будет объявлено по радио. Минут за десять я управился с телеграммой и вышел на перрон. Смотрю, а состава нет. Поворачиваю голову направо, на запад и вижу вдали красненькие огоньки удаляющегося поезда. Меня чуть кондрашка нехватила: казённые и мои личные документы остались в поезде, а ключи от опечатанных вагонов – у меня в кармане брюк. Собравшись с мыслями, вернулся к дежурному и обрушил на него свой гнев. Тот, видимо, забыл о своём обещании и был несколько смущён. Вроде бы хотел мне помочь. Но как?

До следующей узловой станции Бахмач было недалеко, там мой поезд должен был повернуть к Одессе, но догнать его не представлялось возможным, ибо в ближайшее время поездов в том направлении по расписанию не было. Побежал на вокзальную площадь, где стояла пара автомобилей, но шофёры уверили меня, что на машине по весенней распутице до нужной станции вряд ли добраться и к утру. Я опять к дежурному. «Дал бы, – говорит, тебе паровоз, но ей Богу, сейчас нет. Надо ехать на Киев, почти все поезда идут туда». Через некоторое время он посадил меня на «киевский» поезд, и вскоре я очутился в столице братской Украины. А у меня ведь и денег-то при себе почти не было. Я кое-как доехал до бюро «Интуриста», где у меня были друзья, и они меня выручили. Дали денег, отправили на аэродром, посадили на самолёт, летевший в Бухарест, договорились, чтобы он сделал посадку в Одессе. В результате я прибыл туда раньше поезда, даже принял участие в организации встречи румынских товарищей на вокзале, да ещё с оркестром, и всем говорил, что я нарочно прибыл в Одессу пораньше. Только близким мне переводчикам я во всём признался, а в Москве – моему непосредственному начальнику, бывшему фронтовику и замечательному человеку Николаю Ефимовичу Комарову, который меня простил. Описание этого случая у меня немного растянулось, но это мой совет молодым международникам – всегда стараться найти выход из трудных положений. Впрочем, это и так ясно.

А теперь, как говорят музыканты, пора идти на код. Думаю, что всё вышеизложенное показывает то, что мне дал МГИМО. А что же недодал? Об этом говорить труднее, да может быть, и вообще не стоит, потому что в недостатках следует винить не институт, а провалившуюся политико-экономическую систему коммунистической власти. Институт не мог быть изолированным островком в русле общей политики государства. Отсюда исходили парадоксы: подготовка специалистов-международников, которым нельзя было общаться с иностранцами, читать буржуазную прессу, думать вне контекста марксизма-ленинизма и т.д. На хорошую карьеру могли рассчитывать только члены КПСС. Да, что об этом говорить! Всё это известно людям даже молодого поколения. Короче, у выпускников МГИМО первых десятилетий его существования вряд ли могут быть к нему какие-то серьёзные

претензии, ведь большинство институтских преподавателей всегда были здравомыслящими, порядочными людьми, которые прививали студентам не только знания, но и умение читать и мыслить между строк. А вот производственной практики по профессии, как во многих других вузах, у нас, к сожалению, не было.

В начале статьи я цитировал сына и этим же хочу её закончить. Дело в том, что в конце прошлого (2010) года он приезжал в кратковременный отпуск в Москву и, прочитав мой черновик, добавил свои мысли...

«Думаю, МГИМО сегодня является одним из самых уважаемых и престижных вузов нашей страны. Причина тому – отнюдь не ставшая

притчей во языцах «позолочённость» и привилегированность института, а вполне реальный уровень предоставляемого образования и востребованность выпускников на рынке труда.

МГИМО сегодня действительно всё больше напоминает университет – настолько велико разнообразие предлагаемых программ и курсов. Но в связи с этим хотелось бы выразить пожелание, чтобы институт ни в коем случае не терял своих корней, своей исторической идентичности, того, что называется «школой МГИМО». Это прежде всего связь поколений, понимание необходимости продолжать традиции, заложенные выдающимися «мгимовцами»-дипломатами,

историками, международниками. Это и необходимость креативно укреплять и расширять прямые родственные связи с МИДом. Хотелось бы, чтобы больше студентов успевало пройти полноценную практику в российских загранучреждениях, так, чтобы такая стажировка приносила пользу и практикантам, и представителям России за рубежом. Не вызывает сомнений, что активная студенческая помощь (причём не только со стороны посланцев факультета международных отношений, но и других подразделений университета), может повысить производительность загранучреждений.

В целом же упрекнуть институт нам, вчерашним студентам, в каких-либо пробелах в нашем воспитании никак нельзя. Те, кто стремятся, как правило, получают знаний с избытком, и в МГИМО таких возможностей масса. Будем надеяться, что институт с помощью его выпускников будет и дальше крепнуть, оставаясь одним из флагманов российского образования».

Такова добавка молодого дипломата, окончившего институт уже в XXI-м веке. А мне, в заключение, хотелось бы только напомнить, что прошлый 2010 год по решению ООН был провозглашён «Годом сближения культур». Это очень важно, потому что понятие культуры – глубоко и обширно. Без постоянного развития культуры внутри каждой страны и расширения международных культурных связей невозможно и развитие человечества. Чем народы больше будут понимать друг друга, тем меньше на земле будет конфликтов и войн. Университет, наверняка, будет в этом участвовать.

Москва, 2011 год

P.S. Эта незадачливая статья предназначалась для сборника «Об опыте ветеранов» или «Вестника МГИМО(У)», но, видимо, из-за незаинтересованности издательства попала в т.н. «долгострой». Чтобы она не стала ненужным аппендиксом

моего творчества, я, ничего в ней не меняя, решил разместить её на своём сайте.

Застарельй А.Тарелин
Москва, ноябрь 2014 года